

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
Международной научной конференции
XXIII Ивановские чтения

Ахматшина Э.К., Лученков И.Р.

**Анализ традиционного мусульманского архетипа власти
на примере коранических аятов, арабских и турецких пословиц и поговорок**

Цель данного исследования заключается в изучении традиционных представлений об управлении и роли правителя в мусульманских обществах. В качестве образца идеального типа правителя мы используем аяты из Корана, который является главным источником мусульманского права. При этом мы также исследуем пословицы и поговорки, которые не только соотносятся с религиозными представлениями о власти, но и критически, иногда даже сатирически, отражают восприятие обычных людей своих правителей.

Изучение фразеологических единиц, таких как пословицы, поговорки и крылатые выражения, не только помогает понять культуру других народов, но и выявить лингвистические и экстралингвистические истоки национальных ценностей. Эти выражения помогают понять значение и внутреннюю связь между элементами структуры, которые отражают реализацию этих ценностей.

Население Северной Африки и Ближнего Востока до сих пор активно использует пословицы как в своей повседневной, так и в профессиональной речи. Фразеологические выражения не только придают словам красоту и вес за счет народной мудрости, но и отражают восприятие современных и исторических явлений, а также служат связующим звеном между прошлым и новым поколениями.

Фразеологические единицы и афористические выражения неразрывно связаны с реальной жизнью и психологией каждой нации. Они отражают национальные представления о жизни и выступают образной и краткой проекцией коллективной генетической памяти, выраженной через языковые средства. Можно сказать, что они представляют собой этническую мировоззренческую основу.

Фразеологические единицы в мусульманской культуре часто содержат идеи о добре и зле, правильном и неправильном поведении, которые помогают людям определиться в своих поступках и принять правильные решения. Они используются для стимулирования и

регулирования предпочтительного поведения человека и формирования его личности. Например, одна из наиболее известных пословиц гласит: "Кто сеет ветер, тот пожнет бурю". Она предупреждает о том, что любые плохие поступки имеют последствия, которые могут быть крайне серьезными. Еще одна известная пословица: "Ты можешь избежать опасности, если остерегаешься змеи в зародыше". Она учит людей быть бдительными и предусмотрительными, чтобы избежать проблем в будущем.

Помимо стимулирования и регулирования предпочтительного поведения человека и нации в целом, пословицы как в арабской, так и турецкой культуре отражают отношение к власти и лидерству. Многие из них показывают негативное восприятие власти, особенно если она считается несправедливой или подавляющей. Например, "Власть без справедливости - тирания" подчеркивает необходимость справедливости в управлении и говорит о том, что отсутствие этого принципа приводит к нарушению прав человека. В другой пословице: "Худшая страна та, в которой нет правителя" подчеркивается, что без управления начнется хаос. Благополучие бедуинов напрямую зависело от вождя, эмира. Отсутствие какой-либо власти сигнализировало о зле. Хаос и безвластие закрепились в сознании людей как большое зло, когда порядок и закон, установленный благодаря «неверным» правителям – добро. ("Подчиняйся им (правителям), даже если они неверные".)

В обществе, где установилась четкая иерархия, с властью приходит ответственность перед людьми. Некоторые пословицы предупреждают, что власть может стать угрозой для общества, если лидер не может справиться с искушением всевластия. Например, пословица "Если судья твой обидчик, кому жаловаться на трудности?" подчеркивает, что порядок может рассматриваться как проявление зла. Другие пословицы, такие как "Время унижения человека начинается тогда, когда он становится рабом своих желаний", предупреждают о том, что человек может стать рабом своих амбиций и желаний, что может привести к нарушению законов и правил.

Таким образом, как для арабов, так и турок окружающий мир представлял собой неисчерпаемый источник художественных образов, которые формировали их этические и эстетические взгляды. В мусульманской культуре пословицы и поговорки отражают различное отношение к власти и ее роли в обществе. Они демонстрируют, что власть может быть как благом, так и угрозой, и что люди должны быть бдительны и балансировать свои амбиции и желания с нравственными принципами и законами.

Ключевые слова: Коран, архетип власти, арабы, турки, пословицы и поговорки.

Бекджаев Т. Б.

Древнетюркские слова в произведениях Махтумкули

Для изучения истории языка важное значение имеет письменная литература. В отличие от произведений фольклора в письменной литературе информация по языку сохраняется без изменений. В этом особая заслуга и представителей классической литературы. Изучая языковые особенности произведений писателей-классиков, можем представить состояние языка времени, когда они творили. С этой точки зрения язык произведений яркого представителя туркменской литературы XVIII века, можно отметить, что его стихи являются отражением многогранной жизни современного ему туркменского общества.

Наряду с арабскими и персидскими словами, в его стихотворениях часто встречаются древние слова общетюркского происхождения. Хотя часть из них широко употреблялась в произведениях народного творчества тюркских народов, не обладают высокой частотностью в современных тюркских языках. Многие из этих слов вышли из активного употребления, а другая часть была заменена синонимами.

В стихотворениях Махтумкули можно встретить множество лексических единиц, которые активно функционировали в древнетюркских языках. К ним можно отнести слова *erre* (byçgy) – пила, *bitig* (ýazgy) – написанное, *biçmek* (kesmek) – резать, *alp* (batyr, edermen) – отважный, богатырь, *ört* (ot, ýalyn) – огонь, пламя, *bijin* (maýmun) – обезьяна, *eski* (köne) – старый, *buga* (öküz) – бык, *buzag* (göle) – теленок, *inek* (sygyr) – корова, *töre* (häkim, döwlet) – правитель, государство. Эти слова встречаются в книгах “Kitaby dädem Gorkut” (Книга моего деда Коркута), словаре Махмуда Кашгарского, в словаре “Mukaddimetul-edeb” (XII век), произведении “Nehjül-Feradis” (XIV asyr), в произведении XIV века Кадий Бурханеддина, книге по истории, написанной XVI веке Салар баба.

За прошедшие 300 лет со времен Махтумкули большинство этих слов подверглись семантическим изменениям. Например, слово “ört” в значении *огонь, пламя* в современном туркменском языке не употребляется как отдельная единица. Это слово встречается в составе ФЕ “gara ört bolmak” в значении *почернеть, загореть*. Слово “Bijin” (*обезьяна*) употребляется только как название года восточного календаря. В остальных случаях это слово в современном туркменском языке заменяется словом “maýmun”. В произведениях Махтумкули оно присутствует в древнетюркском варианте – “bijin”. Слова, *buga, buzag, inek*, часто встречающиеся в произведениях поэта, были активны в древних словарях, эпосах и дестанах, авторских поэтических и прозаических произведениях ранних веков. В современном туркменском языке вместо них употребляются слова *öküz, göle, sygyr*. Однако, необходимо отметить, что в ряде диалектов сохранились их общетюркские варианты.

Стихи Махтумкули являются отражением духовного мира туркменами средствами художественного творчества. В то же время они выполнили особую миссию – сохранили в первозданном виде общетюркские слова, способствовали передаче их грядущим поколениям.

Валеев Р.М. (КФУ, Казань), Валеева Р.З. (КИУ, Казань),

Кириллина С.А. (ИСАА МГУ)

Востоковеды-тюркологи А. Е. Крымский и В. А. Гордлевский в Лазаревском институте восточных языков и их эпистолярное наследие (1898 – 1918 гг.)

Доклад посвящен обзору деятельности А.Е. Крымского и В.А. Гордлевского в Лазаревском институте восточных языков (1898–1918 гг.) и их полностью неопубликованной личной переписки.

Академики А.Е. Крымский (1871–1942) и В.А. Гордлевский (1876–1956) – значимые фигуры в истории отечественной и европейской классической ориенталистики, особенно в области академической и университетской тюркологии, османистики, арабистики и иранистики.

Наряду с арабистикой и иранистикой их многогранная деятельность была посвящена важному сегменту наследия восточного Средневековья и Нового времени, включающему языки, этнографию, фольклор, историю, литературу и культуру тюркоязычных народов России и Турции, а равно и всему евразийскому тюркскому историко-культурному пространству. Тюркология, арабистика и иранистика представляли собой магистральные направления научного творчества этих замечательных исследователей Востока как в дореволюционное, так и в советское время .

Перспективным остается дальнейшее изучение их обширной научной и общественной деятельности, значимого тюркологического и османистического творчества и вместе с тем особенностей их профессионального и личного общения. Актуализация такого ракурса анализа вклада А.Е. Крымского и В.А. Гордлевского в отечественное и мировое востоковедение во многом определяется поиском и привлечением комплекса документов из их архивного наследия (научных трудов, дневников, переписки и т.д.) и публикацией неизданных материалов.

На рубеже XIX – XX вв. в Лазаревском институте восточных языков преподавание турецкого языка и изучение тюркского историко-культурного пространства вышло на новый уровень во многом благодаря их творчеству. В библиотеке специальных классов ЛИВЯ сформировалась солидная база книг и рукописей на восточных языках, в том числе посвященных языкам, литературе, истории и культуре тюркских народов, а также наметились новые перспективные направления исследований и сформировались прогрессивные учебно-методические и научные традиции. До реорганизации в 1918 г. Лазаревский институт восточных языков оставался ведущим учебным центром российского востоковедения и тюркологии. В первые десятилетия XX в. и до закрытия и последующей реорганизации ЛИВЯ (1918 – 1924 гг.) в этих учебных и исследовательских процессах важную роль сыграла последняя когорта ведущих представителей московской школы – А. Е. Крымский и В. А. Гордлевский.

Прочитанная студентам ЛИВЯ 27 сентября 1907 г. вступительная лекция В.А. Гордлевского, которая была посвящена новой османской литературе, открыла «лазаревский» период его творчества и тесного непосредственного общения с А.Е. Крымским, чье влияние ясно ощущалось в его научных изысканиях. Важным источником, дающим представление о характере взаимоотношений двух видных ученых, служит их личная опубликованная и неопубликованная в комплексе переписка.

В основном 8 писем А.Е. Крымского В.А. Гордлевскому, относящихся к периоду 1908–1913 гг., были опубликованы в Киеве в 1973 г. Однако письма В.А. Гордлевского своему наставнику А. Е. Крымскому не были представлены в научном и общественном поле. В целом эпистолярное наследие В.А. Гордлевского и его переписка в основном сохраняется в его личном фонде в Архиве РАН в Москве. Среди авторов писем В. А.Гордлевскому фигурируют известные отечественные и зарубежные ученые-востоковеды конца XIX – первой половины XX в. – В. М. Алексеев, Ф. Х.Бабингер, В. И. Беляев, И. С. Брагинский, Ахмед Заки Валидов, Газиз Губайдуллин, Н. К. Дмитриев, В. И. Зайончковский, А. Н. Кононов, Ф. Е.Корш, И. Ю. Крачковский, С. Е. Малов, Н. Я. Марр, Б. В. Миллер, А. С. Тевртинова, С. М. Шапшал, А. Ю. Якубовский и др.

Основное внимание в докладе уделено двум письмам, посланным А.Е. Крымскому В.А. Гордлевским из Коньи (Турция) и Москвы. Оба письма, датируемые соответственно 7 ноября 1906 г. и 20 апреля 1909 г., хранятся в фонде Института рукописи Национальной библиотеки Украины имени В.И. Вернадского (ИР НБУ) (г. Киев).

В целом опубликованное и рукописное эпистолярное наследие А.Е. Крымского и В.А. Гордлевского остается малоизвестным и недостаточно оценённым тюркологами. Вместе с тем как для академического сообщества, так и для широкой общественности оно имеет несомненную научную и историко-культурную ценность. Их переписка вводит в научный оборот сведения, позволяющие объективно оценить вклад востоковедных научно-образовательных центров и выдающихся ученых-востоковедов в развитие отечественной ориенталистики и тюркологии в трудных условиях политического и общественного бытия России первых десятилетий XX в.

Гусейнов Г.-Р. А.-К.

Карачаево-балкарцы и кумыки: некоторые аспекты лингвоэтногенеза

Концептуальной основой доклада является локализация прародины тюрков в результате выделения в эпоху мезолита из алтайской (языковой) общности в южном, юго-восточном и юго-западном Прикаспии.

Западноазиатская локализация может рассматриваться в качестве исходной в отношении дальнейшего продвижения прототюрков в восточные и иные регионы их нынешнего и прошлого проживания через вышеупомянутые прикаспийские области. Не случайно заселение западного побережья Каспия в целом, включая Дагестан, имело место еще в эпоху мезолита переселенцами из Южного Прикаспия.

В ареально смежных с этой областью регионах могли находиться носители прототюркских диалектов, учитывая их первоначальную западноазиатскую локализацию. В дальнейшем, по глоттохронологическим данным, со временем выделения болгарской группы в 120 г. до н.э. или даже -100 – 0 до н.э., совпадает сообщение сирийского историка IV в. н. э. Мар Аббас Котины. Согласно ему, с концом II в. до н.э. связываются «большие смуты в стране Булгар, находящейся в поясе великой горы Кавказа».

Сам этноним может быть возведен к корневому **balk-*, имеющим значение «вершина, верхушка. макушка» + *-ar/-ir* (ср. балкар) в составе других тюркских этимонов типа «хазар», что указывает на обобщающее значение «имеющий отношение к вершинам» > «(высоко)горный человек», «горец». С ним можно связывать и кумыков, если принять во внимание этноним *булк(ь)ан-лы(лар)* «булканцы» в древнем кумыкском героическом эпосе «Анжи-наме», посвященном осаде арабами в 713/714г. кумыкского г. Анжи).

Третью (равнинную) группу тюрко(булгаро)язычных предков карачаево-балкарцев и кумыков могли составлять аланы, название которых представляется более предпочтительным связать с пратюрк. **ala-n/*ala-ŋ* «равнина, лужайка, открытое пространство, площадь» праалтайского уровня. Данное название представляется возможным связать не только с карачаево-балкарцами, но и кумыками, если принять во внимание в последнем отношении название примыкавшей к Гумику - кумыкской равнинной исторической области ал-Ал(*Аланлы)-ва-Гумик, упоминаемой с 531 до 579 года, что указывает на известность кумыков в указанных пределах с VI в. .

Таким образом, следует полагать, что кумыки, карачаевцы и балкарцы являются древнейшими этносами Кавказа, населявшими как его равнинные, так и горные пределы. О том, насколько древним было пребывание непосредственных предков, например, кумыков на (Северном) Кавказе, свидетельствует упоминание в нартском эпосе южных (!) осетин кумского (гумского) человека (кумака), Кумской (Гумской) равнины (долины).

Там же встречаются названия страны Гум, Гумское ущелье, в котором в большом доме с железной (!) дверью жил Гумский владетель по имени *Къобор*. Известны также Гумский перевал, селение Гум и т. д. Главный герой нартос Созырыко Сослан, а иногда и другие нарты вступают в борьбу с Гумским человеком, но они постоянно терпят от него поражение. Ср. железную дверь в доме их владетеля *Къобора*, имя которого может быть соотнесено с названием известного северокавказского болгарского племени *кабар/кавар*. Оно получило отражение в древнейшем

кумыкском эпосе «АнжиНаме» и послужило основой кумыкского по происхождению этнонима *кабардинцы*.

Причем сам термин *нарт* имеет праалтайское происхождение и передает праалтайскую форму множественного числа на -т от исходного *нар «муж», что подтверждается бытованием слова *нарпак* «богатырская сказка» в сагайском наречии хакасского языка. Данный показатель мог бытовать еще до 6 тыс. до н. э., когда существовала праалтайская общность, которой были неизвестны металлы. Показательны в последнем отношении данные нарт-орстхойской разновидности нартского эпоса, в большинстве вариантов которой герои гибнут, выпив расплавленную медь. Все это может указывать на связь нартских сказаний с каменным (нео- и энеолит) веком, который имел место на Северном Кавказе с VI до III тыс. до н.э., и гибель их героев в связи с приходом эпохи металлов.

Дубровина М.Э.

Особенности русского и турецкого языков в сфере построения слов и словоформ (в свете системной лингвистики и детерминантного подхода)

Как известно, языковые различия необходимо изучать в некоей системе, поскольку понимать эти явления в качестве «исторически сложившихся» и случайных малоперспективно. В этом отношении, системный подход к языку, который нацелен на анализ его как единой формы, был развит в трудах А.А. Потебни и И.А. Бодуэна де Куртенэ, а затем последовательно разработан в теории Г.П. Мельникова.¹

В ходе длительных исследований Г.П. Мельникову удалось прийти к идее о том, что в основе устройства каждого языкового типа лежит общий закон, который он назвал детерминантой. Согласно его разработкам, во флективных языках носители при построении высказываний выбирают, «селектируют» словоформы из некоего набора готовых словоформ, т.е. воспроизводят в знаковой форме готовые комбинации морфем. В агглютинативных же языках словоформа производится, составляется в момент формирования сообщения путем набора отдельных морфем, словоформа *собирается* (англ. to collect) из морфем прямо в момент разговора.² Таким образом, именно «коллекционность» словоформы агглютинативных языков, т.е. ее способность, во-первых, быть производимой, собираемой в момент порождения высказывания из неких исходных элементов (морфем), и, во-вторых, распадаться на эти исходные элементы после того, как высказывание передано, является самой базисной, определяющей все остальные черты урало-алтайских агглютинативных языков. «Коллекционная

¹ Валентинова О.И., Рыбаков М.А. Логика детерминантного анализа агглютинативных и флективных языков // Полилингвильность и транскультурные практики. 2021. Т. 18. № 2. (С. 130—142.) С. 132.

² Мельников Г.П. Языковая стратификация и классификация языков. // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969. С. 63-67.

природа этих языков», по мнению Г.П. Мельникова, внешне проявляется как **тенденция к экономии служебных морфем**, что и представляет собой **детерминанту** классического агглютинативного строя.³

Различие детерминант флективных и агглютинативных языков представляет собой причину, обуславливающую наличие конкретных языковых явлений в русском и в турецком языках, а также то, что эти явления могут быть столь непохожими друг на друга.

В сфере морфологической структуры слова русского языка следствиями детерминанты можно назвать наличие фузионных процессов на стыке морфем, супплетивизм, отсутствие единых процессов словоизменения, сильное расхождение форм внутри одной парадигмы. Самым из наиболее важных следствий, проистекающих из детерминанты агглютинативных языков, на наш взгляд, является *автономность* морфем и их относительная самостоятельность, как в плане выражения, так и в плане содержания.

Жуков К.А.

Литль-Бой. «Исправленный и дополненный»

Несколько лет назад в одном из докладов⁴ нами была предпринята попытка установить авторство следующего издания: Живописное путешествие по Европейской и Азиатской Турции и в Южно-славянские страны: Румынию, Сербию, Боснию, Болгарию, Герцеговину и Черногорию, с подробным описанием: нравов, характеров, обычаев, законов, правления, войн, торговых сношений, духовных обрядов и характеристических сцен их жителей. Соч. Литль-Бой. М.: Издание книгопродавца С.И. Леухина, 1878. – 431 с. Это насыщенное разнообразными сведениями издание иногда использовалось отечественными исследователями Османской Турции (например, С. М. Ивановым) в качестве исторического источника (без попыток установить происхождение использованного контента).

Предварительный анализ содержания «Живописного путешествия...» позволил прийти к выводу, что перед нами скомпонованная под псевдонимом компиляция – соединение частей оригинальных текстов двух или более авторов (иногда с изменением авторской хронологии). На первом этапе нами уверенно был идентифицирован один из них. Этим автором являлся американец William Perry Fogg, один из предполагаемых прототипов Филеаса Фогга – героя

---

³ Мельников Г.П. [Рецензия] // ВЯ. 1966. № 5.С.130. – Рец. на кн.: Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм: (Опыт историко-типологического исследования). М.: Наука, 1965. 142 с.

⁴ Жуков К. А. Об авторстве книги "Живописное путешествие...". Соч. Литль-Бой // Азия и

Африка: Наследие и современность. XXIX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 21-23 июня 2017 г.: Материалы конгресса / Отв. ред.: Н.Н. Дьяков, А.С. Матвеев. – СПб.: Изд-во Студия «НП-Принт», 2017. Т. 1. С. 56-58.

романа Жюль Верна «Вокруг света за 80 дней» (1873 г.). В конце «Живописного путешествия» (С. 368 – 431) помещен отрывок из его сочинения, которое по другому переводу уже было известно русскому читателю -- «Путешествие по Египту, Аравии, Малой Азии и Персии В. Перри-Фогга». Пер. с англ. Борисовской, под ред. В. Ранцева. СПб.: Издание редакции журнала «Русских и переводных романов и путешествий» (1876 г.). На английском языке это «Путешествие...» вышло еще в 1872 г.

Что касается остального текста, то наиболее информативным в «Живописном путешествии...» является описание Черногории осенью 1874 г. (С. 176-203) и особенно Сербии в июне 1875 г. (С. 12-175). В последнем есть авторские отсылки к предыдущим поездкам (в Белград в 1866 г. и приблизительно в 1868-1869 гг.). Позднейшие добавления (С. 310), позволяют отнести окончание редакторской работы над текстом не ранее, чем к середине мая 1876 г. Если говорить об авторе, то перед нами предстает обладающий ученой докторской степенью полиглот, ему принадлежит авторство заметок «О турках в Европе», переведенных на сербский язык и напечатанных в газете «Черногорец» (С. 56). Он настроен явно антитурецки (С. 127); его «Живописное путешествие...» содержит большой объем статистического материала и много ссылок на работы авторитетных авторов, ученых и путешественников (Гаммер, Ранке, Каниц, Дентон, Буэ, Ган, Вилькинсон, Грец, Убичини, Ферлей, С. Робер и др.).

В своем докладе 2017 г. в качестве рабочей гипотезы мы предположили, что за псевдонимом Литль-Бой мог скрываться Frederick Millingen (Осман-бей), в 1873 г. перешедший на русскую службу и в 1874 г. избранный действительным членом Русского Географического Общества. В настоящее время, в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, данное предположение следует отозвать. Этими новыми данными мы обязаны болгарским коллегам: Кети Мирчевой и безвременно ушедшей из жизни в прошлом году Ольге Тодоровой. Благодаря их любезному указанию, наше внимание было привлечено к фигуре Густава Раша (Gustav Rasch, 1825-1878), в свое время известному политическому деятелю, писателю и путешественнику. В 1848 г. Г. Раш принял участие в революционных событиях в Берлине, в последние годы жизни состоял в переписке с Ф. Энгельсом. Революционный настрой Раш соединял с коммерческой жилкой, являя собой пример успешного журналиста-коммерсанта, не чуравшегося плагиата. Раш совершил множество путешествий, в частности в Румынию, Грецию, Болгарию и Константинополь (1871 г.), Сербию (1866, 1871-1872 гг.), Черногорию (1871-1873, 1874 гг.). В своих публикациях, посвященных описаниям этих поездок, он совершенно не стеснялся использовать оригинальные материалы других авторов. Эти публикации пользовались читательским спросом. Особенно популярным стал его двухтомник «Турки в Европе», напечатанный в Праге в 1873 г. на немецком языке. В начале 21 в. эта книга в переводе Х. Салихоглу была издана в Турции (19 yüzyıl sonlarında Avrupa'da Türkler. İstanbul, 2004). Надо сказать, что к моменту выхода из печати «Живописного путешествия...» в 1878 г. имя Густава

Раша уже было знакомо русскому читателю. Годом ранее было издано его описание Черногории (Раш Г. Черногория. Очерки, картины и рассказы. Пер. с нем. М.: Тип. Ф. Иогансона, 1877. – 171 с.).

Итак, подведем некоторые итоги. Рассматриваемое нами «Живописное путешествие...» является: а) переводным (с английского и немецкого языков) и б) компилятивным (использованы работы В. Перри-Фогга и Г. Раша). Единственное во всей книге «примечание переводчика» (С. 67) дает основание предположить, что переводчик мог быть также редактором данного издания. Кроме того, очевидно, что составитель (редактор) данного издания в ряде случаев изменил оригинальную хронологию и структуру использованного материала.

Жевелева А.В., Жданов А. Ю.

Палестинская диаспора в Турции:

социальные институты и государственная поддержка

Палестина - исторически значимая для Большого Ближнего Востока территория в силу своего сакрального статуса для всех авраамических религий, распространенных в регионе. Поэтому обладание Палестиной, либо выраженное политическое или экономическое присутствие на ее территории, является частью нескольких политических концепций, среди которых идеология неоосманизма, представляющая собой смешение идей халифатизма — первенства в исламском мире, и символического воссоздания экуменической турецкоцентричной империи на территории бывшего Османского государства.

Священный статус палестинской земли является одной из причин активной политики Турции периода ПСР (2002-н.в.) в отношении Палестины. Так, одно из направлений турецкой "мягкой силы" в отношении страны - взаимодействие с палестинской диаспорой, в т.ч. на территории самой Турции.

Сложившаяся в результате нескольких "волн" переселения, продиктованных различными причинами, палестинская диаспора на территории Турции, неоднородная по своей структуре, отмечена крайне высокими показателями бедности, безработицы и низким качеством жизни. В докладе освещаются типы общественных и государственных объединений, обеспечивающих медицинскую, гуманитарную и экономическую помощь палестинским переселенцам. Объединения классифицируются по способу финансирования, виду деятельности и охвату населения, на которое оказывается воздействие.

При подготовке доклада были использованы отчеты ряда организаций о проделанной работе, медиа-ресурсы, освещающие их деятельность, а также статистические данные о количестве палестинских переселенцев и их материальном состоянии.

Жевелева А.В., Терещенко С.М.

Влияние османских вакфов на современные вакфы Турции

Институт вакфа возник в VIII в. [1: 12] и получил широкое распространение в Османской империи. По приблизительным оценкам, за время существования империи было основано более 60 тыс. вакфов [4: 136].

Несмотря на последующие конфискации, попытки «секуляризовать» вакфы, реформы Кемалистской революции [2: 45], вакуфные фонды существуют и в Турецкой Республике. Их можно условно разделить на две группы – «старые» (т.е. дореспубличанские) вакфы и «новые» вакфы, получившие свое название после закона о вакфах №903 [3] от 13.07.1967 г. и созданные в соответствии с Гражданским кодексом [2: 45]. Со второй половины XX вв. система вакфов в Турецкой Республике начала возрождаться — и к 2022 г. новых вакфов насчитывается уже около 5,6 тыс. [1: 130]

Вакфы в современной Турции сохраняют много характеристик, схожих с вакфами, существовавшими в османский период. При этом, в Турецкой Республике были решены различные проблемы, осложнявшие деятельность вакфов во времена империи. В Турецкой Республике вакфы были переведены под государственный контроль; новые вакфы представляют собой финансовые организации, которые учреждают в соответствии с Гражданским кодексом и работу которых регулирует правительство. Вакфы могут быть ликвидированы, а воля учредителя может трактоваться не так буквально, как во времена Османской империи. Благодаря этому вакфы стали гораздо более эффективными в своей деятельности и легче адаптируются к условиям современной экономики. Если в Османской империи вакфы были индивидуальными, то теперь для создания вакфа может объединиться практически любое число людей [1: 147-156].

Можно заключить, что османские вакфы оказали значительное влияния на современную систему вакуфной собственности в Турции и во многом дали им вектор развития. Вакуфная система сохранила некоторые особенности османских вакфов, такие как преобладание вакфов с нерелигиозными целями, а также распространение денежных вакфов, но была реформирована в соответствии с реалиями современной экономики.

Литература:

1. Шлыков П.В. Вакфы в Турции: трансформация традиционного института. — М.: дом Марджани, 2011.

2. Шлыков П.В. Институт вакфа в Турции в 1920-е – 2000-е гг.: сущностные и функциональные трансформации // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2010. №2.
3. 903 Sayılı Türk Kanunu Medenisinin Birinci Kitabının İkinci Babı Üçüncü Faslının Değiştirilmesi, Bu Kanuna Bazı Madde ve Fıkralar Eklenmesi, Bazı Vakıfların Vergi Muafiyetinden Faydalandırılması Hakkında Kanun (Vakıflar Kanunu). [Электронный документ]. 18.04.2023 — URL: <https://tdvmedia.blob.core.windows.net/files/tdv.org.tr/mevzuat/1b.pdf> (Проверено: 20.04.2023)
4. Orbay, K. Imperial Waqfs within the Ottoman Waqf System. — Endowment Studies. — Brill, 2017. — Vol. 1: issue 2. - p. 135-153

Колосова Д.И.

Опыт анализа категории адмиративности в турецком языке

Категория адмиративности - грамматическая категория, сигнализирующая о том, что говорящий, не обладая до факта сообщения информацией о содержании высказывания, выражает удивление говорящего, т.н. «эпистемическую неожиданность». Впервые данная категория была обнаружена французским исследователем Огюстом Дозоном на материале албанского, турецкого и болгарского языков. Название категории - admiratif - восходит к глаголу «восхищаться». В российской науке категория адмиративности (миратив) объединяется с категорией эвиденциальности, либо не вычленяется в отдельную категорию. Некоторые исследователи (Е.К. Скрибник) выделяют адмиративность как отдельную категорию на материале монгольских языков. Наряду с морфолого-синтаксическими маркерами (alabilir, -acak, -ar, -olsa gerek, -olması gerek) турецкий язык обладает регулярным средством выражения адмиративности -miş. При подробном рассмотрении категории эвиденциальности в турецком можно сделать предположение о том, что в турецком языке существует средство выражения модального миративного значения, омонимичное с средством выражения эвиденциальности - морфологический показатель -miş.

Yılmaz Mehtar

Türkiye’de ad koyma geleneğinin sosyo-kültürel özellikleri

Eski Türklerden günümüze kadar gelen ve çok aşamalı bir folklor olayı olarak nitelendirilen ad koyma merasiminin günümüz Türkiye’inde de önemli bir yeri vardır. Ad koyma öncelikle yasalara göre

zorunlu bir işlemdir sonrasında ise yeni doğan kişinin toplumda kabul görebilmesi için uygulanan gerekli bir kültürel olgudur.

Yenidoğana ad koyma küçük bir dinsel törenle gerçekleşir. İslam dininde yeni doğan kişinin hemen ölebileceği de varsayılarak isim koyma işlemi geciktirilmez. Hoca, imam, müftü veya dinsel bir bütünlüğü olan saygın biri veya dedesi çocuğun kulağına ezan okuduktan sonra 3 kere adını söyler ve ‘hayırlı’ olmasını diler. Ayrıca seçilen resmi adın dışında bebeğe bir de ‘göbek adı’ verilir. Bu isimler ise İslam geleneğine bağlı dini isimlerden seçilir: erkekler için İbrahim, Abdullah, Mehmet, Yusuf; kadınlar için ise Hacer, Ayşe, Fatma. Daha sonra hazırlanan sofraya oturulur, dualar edilir ve adını koyan kişiye küçük hediyeler verilir.

Türk kültüründe isim seçme konusunda aile büyüklerinin fikri oldukça önemlidir. İsim seçiminde ise dikkate alınan bazı kriterler vardır; dini değerler: Allah’ın isimleri (Rahman, Semi), peygamber isimleri (Davut, Musa, Muhammed); tarihi kahramanlar: Alp Arslan, Atilla veya liderler: Mustafa Kemal; yaşayan ya da ölmüş aile büyüklerinin ları; coğrafi bölgelerle ilgili adlar ve çağa uygun modern isimler.

Çocuklara verilen adlar toplumun çeşitli gruplarını, onların dünya görüşünü, gelenek ve göreneklerini, inandıkları değerleri kapsamakta ve yansıtmaktadır.

Каррыева Ж.Б., Бегланова А.Г.

Символика цвета в туркменском фольклоре и вопросы перевода

В статье интерпретируется символика цвета в туркменском фольклоре и вопросы её адекватной передачи в переводе. Исследование проводилось на материале переводов средневекового эпоса «Gorkut ata» («Книга моего деда Коркуда») и туркменского героического эпоса «Görogly» («Кер-оглы») на русский и английский языки. В докладе подчёркивается значение свободного владения ИЯ и ПЯ, а также владение переводчика экстралингвистическим контекстом коммуникации.

Козинцев М.А.

Долг шведского короля османскому султану и история его взыскания в XVIII в.

(по материалам рукописи В 747 из собрания ИВР РАН)

В рукописи компилятивного историографического сочинения «Ибретнюма-йы девлет» («Наставление государству»; один из списков хранится в Арабографичном фонде ИВР РАН, шифр В 747), составленного в 1798–99 г. османским чиновником, известным под псевдонимом Кесби, приводятся сведения, касающиеся истории турецко-шведских отношений в первой половине XVIII в. В частности, рассказывается о денежных суммах, взятых шведским королем

Карлом XII в долг у османского султана. Будучи финансовым чиновником и имея доступ к архивным документам, Кесби подробно описал затянувшийся процесс возврата долга. В дополнение к этому повествованию, в текст рукописи помещен любопытный нарративный источник — посольский отчет (*сефарет-наме*) Мехмеда Саида Йирмисекиз Челеби-заде (ум. 1761) о его путешествии в Швецию в 1732–1733 гг. Перед Мехмедом Саидом-эфенди, будущим великим везиром, сыном известного османского дипломата и государственного деятеля Мехмеда Йирмисекиз Челеби (ум. 1731) помимо возврата шведского долга османской казне стояла задача узнать о возможном союзе Швеции с Россией. Текст содержит подробное описание маршрута, которым следовало посольство, и основных событий, связанных с выполнением возложенных на него задач. Помимо этого, уделено большое внимание трудностям и опасностям, с которыми дипломату и его свите приходилось сталкиваться во время путешествия.

Серкина Г.А.

К вопросу о происхождении культурного феномена «дракон» и его культа. Дракон в искусстве Евразии

Судя по сходству образа дракона, распространенного в Азии, с пернатым змеем Кецалькоатлем и с другими подобными божествами американских индейцев, этот образ в культуре человечества возник в невообразимой глубине времен. Берингов пролив, разделивший азиатов метрополии от азиатов, ушедших на далекие земли на востоке, по последним научным данным образовался 38 тысяч лет назад. Возникает вопрос, что же могло стать причиной рождения одинакового образа дракона или сохранения у ушедших на новый материк сходных представлений о драконе, несмотря на взаимоудаленность во времени и в пространстве.

Единственным ориентиром и мерилom для древнего человека при освоении окружающего его пространства было его тело и связанные с ним все его ощущения. Древний человек давал имена всему, что входило в окружающий его мир, опираясь на единственный хорошо ему знакомый объект этого мира – это его собственное тело. Так, он выделил первоначальные цвета в окружающем его мире – красный и белый, потому что именно важные организменные жидкости (кровь, семя) были окрашены именно в эти цвета. Важные, потому что играли важную роль в продолжении жизни. Не случайно во всех ритуалах, связанных с Плодородием, до сих пор задействованы эти цвета. Но наиболее ярко движущая сила мысли древних людей – человек, как мерило всех вещей, – проявилась в их картине мироустройства мира, согласно которой окружающий мир построен из частей тела Первочеловка.

На ранних этапах своего развития – на стадии детства человечества – внимание древних людей могло выделять и вычленять из внешнего пространства только пугающие их, незнакомые и непонятные для них объекты и явления. Об этом говорят такие реликтовые явления,

сохраняющиеся в культуре современных народов в виде противопоставлений «свой-чужой», «чужой=враг», «чужой» - синоним «дикий», «гость – божество/предок» и т.д. Древние люди осваивали окружающий мир через своего рода «присвоение» себе, приручение пугающих и незнакомых природных объектов и явлений, что делало их как бы «своими», не враждебными. Важным инструментом «приручения» дикого мира, по всей видимости, являлся жизненный опыт старшего поколения коллектива. Старшие члены рода в сказочной форме объясняли своим потомкам суть того или иного устрашающего и непонятного природного явления или объекта. Тем самым сказочная форма снижала уровень страха и агрессии членов коллектива, столкнувшиеся с устрашающим или непонятным нечто. Другим способом, уменьшающим человеческий страх, являлось приручение, разновидностью которого является якобы родство страшного зверя с людьми, что также уменьшало страх у юных соплеменников. Поэтому, скорее всего, появление и развитие фольклора происходило одновременно с развитием религии. Человеческое общество довольно долгий период истории своего развития выделяло устрашающий объект природы – медведя и устрашающее природное явление – грозу (с молнией, громом, дождем). Судя по этому факту, древние люди Евразии с медведем встречались и сталкивались чаще всего, возможно, потому, что медведь являлся главным конкурентом за проживание в пещерах. Пещерные медведи, да к тому же имеющие гигантский рост, устрашали древних людей. Поэтому и первый культ животного сложился вокруг медведя. Такое же отношение у древних людей сложилось и по отношению к непонятному страшному явлению природы, как гроза. Эти первые древние культы явились зачатками поздних религиозных систем, которые развились в эпоху классического общества. Культ грозы, пройдя через первоначально безличную стадию, со временем приобретает зооморфный облик, но постепенно на поздней стадии развития человеческого общества трансформировался у большинства народов в бога антропоморфной формы – Громовержца под разными именами.

Однако в Китае этот культ грозы сохраняет древнюю зооморфную форму – в форме фантастического животного-химеры – дракона.

Тимохин Д.М.

«Огузская смута 1153 г.» и ее влияние на миграцию кочевых тюркских племен по данным мусульманских источников⁵.

События второй половины XII в., получившие в современной историографии название «огузская смута» 1153 г. [1], нашли свое отражение в многочисленных мусульманских

---

⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00736 «Дешт-и Кыпчак и сопредельные оседло-земледельческие территории X–XIII вв.: опыт изучения взаимодействия культур (на материале письменных источников)», <https://rscf.ru/project/23-28-00736/>

сочинениях, как домонгольского периода, так и памятниках XIII – XIV вв. Это несомненно связано с тем, что поражение сельджукского султана Му'изз ад-Дина Санджара в 1153 г. от армии гуззов привело к окончательному ослаблению его державы, активизации локальных правителей, которые до этого были лояльны ему, однако на фоне указанной катастрофы объявили о своей самостоятельности и больше не признавали над собой верховную власть сельджукского правителя. «Прошло 2-3 месяца. Султаном овладело горестное раздумье, так как он видел казну пустою, государство разрушенным, подданных разбежавшимися со страха и войско непослушным. Тревоги и заботы о себе в соединении с человеческой слабостью закончились болезнью, в результате которой в 551 (= 1156) г. он умер. Его похоронили во дворце, который сооружен в Мерве» [5: 183-184; 3: 358]. При этом современные исследователи, преимущественно, обращали внимание именно на политические последствия поражения сельджукских войск от гуззов и в меньшей степени их интересовали особенности миграции кочевых тюркских племен, которая произошла как следствие событий 1153 г. и затронула как земли Хорасана и Мавераннахра, так и сопредельные регионы. В рамках данного доклада нас будут интересовать именно эти миграционные процессы, которые нашли свое отражение, как в рамках мусульманских «всеобщих историй», написанных в XII – XIII вв., так и тексты «локальных хроник», предлагающие зачастую уникальные сведения о миграции гуззов в отдаленные от Хорасана регионы Ирана и о последствиях подобных переселений, как политических, так и экономических.

Мусульманские авторы, современники этих событий, равно как и более поздние историки отмечали в своих трудах преимущественно отмечали захват гуззами крупных городов Хорасана и прилегающих к нему земель. Так, Ибн ал-Асир описывает судьбу Нишапура: «Они погубили тех, кто был в нем из праведных шейхов, и направились оттуда к Нишапуру. Они достигли его в шаввале пятьсот сорок девятого года и не встретили никого, кто не допустил бы их к нему и оказал бы сопротивление. Они разграбили его основательным образом и убили много его жителей, что думали, что не оставили в нем никого. В двух кварталах было насчитано пятнадцать тысяч убитых мужчин, помимо женщин и детей. Они взяли в плен женщин и детей и забрали имущество, на улицах же остались трупы, как холмы, один на другом. Большая часть его жителей собралась в соборной мечети ал-Мани'и и укрепились в ней. Гузы осадили их, и жители Нишапура не смогли защищаться; гузы вошли к ним и убили их до последнего. Они требовали от мужчин денег, а когда кто-нибудь давал им их, они убивали его» [2: 254-255]. Однако гораздо интереснее сообщения о продвижении гуззов и других кочевых племен вглубь собственно иранских территорий и именно эти сведения будут наиболее подробно рассмотрены в рамках этого доклада [4: 50-52].

Литература:

1. Агаджанов, С. Г. *Очерки истории Огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.* – Ашхабад: Ылым, 1969.
2. Ибн ал-Асир. «Ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки / Пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолиддина. – Ташкент: Узбекистан, 2006.
3. Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1939. Т. I.
4. Afzal al-Dīn Kermānī. Ketab-e 'Eqd al-'olā le'l-mawqef al-a'lā / Ed. by Bastani Parizi. – Tehran: Rouzbehan, 1977. – 184 s. 50-52
5. Ravandi Mohammad. Rahat as-sudur va ayat as-sorur / Ed. by Mohammad Iqbal. – Leiden; London: E. J. Brill, 1921.

Торе М.

Верования, связанные с днями в туркменской культуре

В разные периоды истории туркмены сталкивались с такими верованиями, как зороастризм, буддизм и шаманизм. Позже они приняли ислам. Однако, хотя неизвестно, когда возникли некоторые верования и ритуалы, они занимали важное место в верованиях и культурной жизни туркмен. Одно из таких поверий связано с днями недели. Особенно некоторые дни недели очень важны в жизни туркмен. Начиная новую работу, отправляясь просить девушку, устраивая свадьбу, переезжая в новый дом, занимаясь шитьем одежды и подобными работами, смотрели, какой день будет лучше. У туркмен этот день называется "сахетли гюн".

В данном исследовании будет рассмотрено одно из туркменских верований - "сахетли гюн". "сахетли гюн" означает день или дни, которые считаются благоприятными. Согласно туркменским верованиям, рассчитываются не только дни недели, но и дни месяца. О том, как и кем производятся эти расчеты, и пойдет речь. Для понимания темы будут показаны примеры из идиом и пословиц. Будет дана информация о том, какие названия дней предпочитают использовать в качестве имен людей. Таким образом, будет объяснено влияние представлений о днях на культуру и образ жизни туркмен.

Ключевые слова: Туркмены, верования, дни, "сахетли гюн".

Фомкин М.С.

К вопросу об авторских решениях переводчика

(на материале поэтических переводов с.н. иванова)

В докладе рассматривается конкретный пример творческого решения поэта-переводчика С.Н. Иванова, которое позволило воссоздать в русском переводе скрытое от русского читателя ассоциативное содержание восточного поэтического текста.

Для теоретического осмысления вопросов художественного перевода богатый материал предоставляет творческое наследие выдающегося русского поэта-переводчика, известного учёного-востоковеда С.Н. Иванова. При переводе на русский язык восточной поэзии творческим кредо Сергея Николаевича было обязательное воссоздание и формальной, и содержательной поэтики оригинала. Это позволяло ему не слепо следовать общим догматам перевода, а творчески переосмысливать поэтический текст и раскрывать его содержание со всеми его экстралингвистическими факторами.

Обратимся к поэтическому переводу на русский язык поэмы Юсуфа Баласагуни «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»), который сделал С.Н. Иванов. Здесь обращает на себя внимание передача в русском переводе понятия о Боге. В оригинале Юсуф использует для этого 2 арабских слова: Allah, gab, а также – 4 тюркских: bayat, ugan, tenri, idi. Итого 6 синонимов. Что же касается русского перевода, то здесь синонимический ряд с доминантой «Бог» поражает своим богатством и прихотливостью, включая в себя более 20 синонимов. Художественные достоинства такого богатства и разнообразия форм передачи понятия о Боге в переводе очевидны и бесспорны. Но может возникнуть сомнение в правомерности такого переводческого решения - мол, переводчик украшает, улучшает (то есть искажает) оригинал.

И всё же более глубокое рассмотрение этого вопроса доказывает правильность и обоснованность решения переводчика умножить число синонимов понятия «Бог» в переводе. Во-первых, это решение соответствует художественно-стилистическому единству оригинала, для которого характерно синонимическое разнообразие. Во-вторых, главным основанием для этого решения является то, что для правоверного мусульманина (каким был и автор поэмы, и её читатели) понятие о Боге, то есть Аллахе, неразрывно связано с его именами-эпитетами, которые постоянно присутствуют в религиозном сознании мусульманина в ассоциативной связи со словом Аллах.